

С о д е р ж а н и е

От автора.	7
Пролог.	15

Часть I

南

ЮГ

1	Колония	29
2	Передача	54
3	Опора империи	91
4	Родовая деревня	97
5	Возвращение домой	118
6	Гражданская война	148
7	Воссоединение.	176

Часть II

北

СЕВЕР

8	Красная столица	207
9	Вождь	229
10	Враги повсюду	256
11	Национализм сейчас.	272
12	Дворец	298

Часть III

西

ЗАПАД

13	Нефритовые ворота	305
14	Военное поселение	331
15	Возвращение	356
16	Мечты в пустыне	358
17	Кровь на границе	368
18	Отцовская застава	401
19	Снежные львы	431

Часть IV

東

ВОСТОК

20	Голод	459
21	Побег	492
22	Разные пути	509
23	Последний бой	517
24	Великие державы	544
	Эпилог	558
	Благодарности	565
	Примечания	573
	Предметно-именной указатель	591

От автора

Когда пишешь книгу о Китае, невозможно найти способ последовательно транслитерировать имена и названия. Практические трудности усугубляются более сложными соображениями: выбор часто оказывается вопросом политическим.

Имена большинства людей и названия мест в этой книге написаны на пиньине — это официальная система романизации одного из диалектов северокитайского (мандаринского) языка*, принятая в Китайской Народной Республике в 1958 году.

Но встречается немало исключений. Для некоторых имен и топонимов я использовал общепринятые, исторически сложившиеся формы записи, не переводя их на пиньинь, — например, в случае с Чан Кайши и Гонконгом.

Часть таких решений я принял по собственному выбору. Так, для имен некоторых членов моей семьи и названий мест, имеющих для них важное значение, я прибег

* Имеется в виду путунхуа — признанный общенациональным нормативный (стандартный) китайский язык, в основу которого легла пекинская вариация северного диалекта китайского языка. — *Здесь и далее прим. науч. ред., если не указано иное.*

к кантонской транскрипции. В большинстве случаев для этого используется система ютпхин, но имена многих людей, например моего отца, Юк Кирн Вонга, приведены в их официальном английском написании*.

В других случаях, в частности с уйгурскими и тибетскими именами, я старался использовать транслитерацию с соответствующих языков, на которых говорят местные жители, и для этого консультировался с носителями языка и учеными. Иногда я привожу как местные, так и китайские названия.

А иногда я также привожу китайские иероглифы, используя традиционную систему, которая до сих пор распространена в Гонконге и на Тайване. Дело в том, что мои родители, дяди и тети пользуются этим видом китайского письма, а я изучал его на Тайване. В Китайской Народной Республике используют упрощенные иероглифы, но традиционные формы также сохраняют свою значимость.

* Имена и названия, записанные в книге на пиньине, на русский язык переведены в соответствии с транскрипционной системой Палладия, общепринятой системой транскрипции имен собственных с путунхуа на русский язык. Однако, как и в оригинале, в ряде случаев использованы традиционно устоявшиеся варианты записи китайских имен и топонимов на русском языке (например, Чан Кайши).

Имена и названия, приводимые автором в кантонской транскрипции, переведены на русский язык согласно проекту кантонско-русской практической транскрипции Института языкознания РАН, разработанной Юрием Коряковым и Дмитрием Шакурой.

В случаях если имена и фамилии китайского происхождения принадлежат родившимся или проживающим вне КНР, их перевод дан в соответствии с правилами транслитерации с английского языка. Так, фамилия автора и его семьи транслитерируется с английского как Вонг, по правилам же кантонско-русской транскрипции должно быть «Вон».

Путей расходится много, не знаю, какой избрать...
Но день придет, когда я поймаю ветер и,
рассекая волну, поплыву, словно облако,
по потемневшему морю.

Ли Бо 李白 (701–762)

Юнцом покинул я дом, стариком возвращаюсь.
Неизменным осталось со мной родное наречье,
но в волосах седина.
Дети встречаются мне, я для них незнакомец.
Спрашивают, улыбаясь: «Откуда к нам прибыл, гость?»

Хэ Чжичжан 賀知章 (659–744)

Он вспоминал плоды хурмы в осеннем свете. Ветви низко склонялись над его головой, и эти плоды свисали, сочные и гладкие, цвета жженой меди. Вместе с другими солдатами он сидел в открытом кузове грузовика. Деревья росли вдоль дороги, воздух был сух и свеж. Они указывали на хурму, восхищались ею. Как сладко было бы вонзить зубы в такой плод! За грузовиком клубами вилась пыль. Они направлялись в огромный пустынный край, край древних дорог и городов, многие из которых давно исчезли с лица земли. Они ехали в приграничье. Те воины, что приходили туда до них, тоже исчезали. Эту хурму, золотящуюся в лучах угасающего дня, он помнил и семь десятилетий спустя.

КИТАЙ 中國

Пролог

Мне было уже за двадцать, когда отец впервые показал эту маленькую черно-белую фотографию. Мы сидели в гостиной дома, где прошло мое детство, в пригороде Вашингтона, округ Колумбия. Фотография была сделана в Китае в 1953 году. На ней у отца по-молодому блестят глаза и нет ни одной морщины. Одет он в военную форму, на голове фуражка. Я провел пальцем по темному пятну в центре фуражки. Отец пояснил, что на этом месте была красная звезда, символ Народно-освободительной армии Китая. Он отправил фото по почте своему отцу в британскую колонию Гонконг, и тот затушевал звезду, чтобы никто ее не увидел и не случилось беды. К моему отцу фотография вернулась, когда он покинул материковый Китай и воссоединился с родителями в Гонконге. А уезжая в Америку, отец взял ее с собой — в память о революции.

Я — сын двух империй. Родившись в Вашингтоне, я рос в Александрии, штат Вирджиния, городе, стоящем на берегах реки Потомак, в те времена, когда разговоров только и было, что о холодной войне, сдерживании коммунизма

и предотвращении ядерного апокалипсиса. Это были годы от президентства Никсона до президентства Рейгана, когда главное место в мировой политике занимала борьба двух идеологий, а точнее двух систем правления. Берлинская стена пала в тот год, когда я оканчивал школу. На всех радиостанциях крутили «Ветер перемен» группы Scorpions, Советский Союз распался, и у Соединенных Штатов не осталось в мире соперников. Мы говорили об этих событиях в семье, на уроках и в школьном дворе, я читал о них в газетах, и эти газеты, с их корреспондентами в Вашингтоне, Нью-Йорке и далеких мировых столицах, казалось, писали летопись Американского века.

Но еще существовали коммунистические державы, и в том числе та, о которой мало что знало большинство американцев, но которую хорошо знал я. Это был Китай, наша родина. Когда началась Вторая мировая война и страна отражала нападение японских захватчиков, мои родители были детьми и жили на юге. Япония капитулировала, но мир в Китае так и не наступил. Началась новая война, гражданская — между находившимися у власти националистами* и мятежными коммунистами. Мао Цзэдун и его Народно-освободительная армия одержали победу, националисты были вынуждены отступить на остров Тайвань. В 1950 году мой отец и его одноклассники стали первыми в своей школе, кто получил аттестаты уже в коммунистическом Китае.

Революционный пыл охватил граждан. Отец отправился на север, в Пекин, поступать в университет. 1 октября

* Под националистами подразумевается партия Гоминьдан, которая полностью контролировала правительство Китайской Республики с 1928 по 1949 год.

1950 года, в первую годовщину образования Китайской Народной Республики, он вместе с солдатами, рабочими и другими студентами маршировал по площади Тяньаньмэнь, а Мао стоял на трибуне на Вратах Небесного Спокойствия и с высоты махал им рукой. Они верили, что Мао поведет Китай за собой, чтобы вернуть ему былую славу и противостоять американскому империализму. Той осенью американские войска выступили против северокорейских и китайских вооруженных сил на Корейском полуострове. Коммунистическая партия Китая призвала граждан активно участвовать в военных действиях, чтобы американская армия не вторглась в северо-восточный Китай и не дошла до Пекина.

Отец вступил в Народно-освободительную армию. Следующие 10 лет он служил в основном на границе, а его военная карьера совершала неожиданные повороты. Он побывал в таких уголках страны, которых большинство китайцев никогда не видели. Это были места невиданной красоты, где разворачивалось жестокое противостояние. Подготовку к службе в военно-воздушных силах он проходил в Маньчжурии, вблизи корейского фронта. Потом провел несколько лет в Синьцзяне, северо-западном регионе, где проживают тюркоязычные мусульмане. Это были земли уйгуров и казахов, на которые веками зарились пекинские правители. Отец своими глазами увидел, как велика была Китайская империя, и стал свидетелем того, как Мао пытался возродить ее могущество.

В детстве я ничего не знал об этом периоде жизни отца. Годами я наблюдал, как он надевал красный пиджак и черные брюки, чтобы пойти на работу в китайский ресторан «Сампан», и это была единственная униформа, которая у меня с ним ассоциировалась, пока однажды он не показал

мне свою фотокарточку — ту, что отправил своему отцу, когда служил в армии.

Он не из тех, кто много рассказывает о себе. И если он чем-то делился, это не происходило как нечто само собой разумеющееся. Если ему случалось вернуться домой рано, он не садился на край моей кровати и не рассказывал истории из своей жизни, хотя бы даже выдуманные. У него был один выходной в неделю — воскресенье. Но каждое второе воскресенье он уходил, чтобы вести бухгалтерию в ресторане «Чинз Китчен», совладельцем которого был. А в другие воскресенья мы смотрели американский футбол — матчи «Вашингтон Редскинз», и он возил семью покататься на своем синем «Плимуте-Дастер». Отец помогал мне делать задания по алгебре, геометрии, математическому анализу. Он разбирался в том, что касалось цифр. Позже я узнал, что после армии он изучал инженерное дело.

Иногда мне удавалось случайно увидеть сокрытое. Однажды зимой отец с матерью везли нас с сестрой в Вашингтон, в Китайский квартал, к бабушке и о чем-то разговаривали на повышенных тонах на кантонском диалекте. Я разглядывал в окно дощатые дома. Мама обернулась к нам с переднего сиденья. «Коммунизм что-то сделал с вашим отцом, — сказала она. — Он упорствует в своих взглядах и не желает меняться».

Я почувствовал в этих словах боль, рану, которую не хотелось беречь. По крайней мере, пока. У каждого из них была своя история, начавшаяся задолго до моего рождения. Позже я узнал, что мать ошибалась, что отец мог меняться и, больше того, уже давно сделал это. В сложный момент он принял решение пустить свою жизнь по другому руслу. Он сделал выбор между идеей и мечтами, властью и свободой, государством и домашним очагом.

Мои родители прощались с Китаем и Гонконгом в разные моменты и при разных обстоятельствах. Но они так и не расстались с родиной полностью. И я не знаю ни одного китайского иммигранта, который сделал бы это. Еще одно воспоминание: летний вечер, мы смотрим по телевизору финал женского волейбольного турнира на Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анджелесе — США против Китая. И когда китайская сборная побеждает, мои родители кричат от радости и прыгают от восторга почти так же неистово, как звездная нападающая Лан Пин по прозвищу Железный Молот и ее подруги по команде, одетые в красную форму. «Мы болеем за Китай, потому что это наша родина», — сказала мне тогда мама.

Историю своей семьи я начал узнавать годы спустя, продолгу беседуя с родителями и другими родственниками, читая старые письма и разглядывая фотографии. Это началось еще до того, как я поступил в университет, и продолжалось все годы моей учебы. Мои исследования шли параллельно: я изучал историю и общественное и политическое устройство Китая в университете и историю семьи дома. Я подолгу разговаривал с родителями, дядями и тетями в Вашингтоне и Сан-Франциско и особенно много общался со старшим братом отца, Сэмом, который рос с ним в Гонконге и провинции Гуандун и уехал в Америку в 1948 году учиться. Начав изучать прошлое, я также каждый год ездил в материковый Китай и в Гонконг, и закончилось это только с моим переездом в Нью-Йорк, где я стал работать в газете «Нью-Йорк таймс».

Я жил в центре Манхэттена, когда 11 сентября 2001 года управляемые террористами лайнеры врезались в здания Всемирного торгового центра и в Пентагон. Эти террористические акты и вторжение Америки в Афганистан и Ирак

поставили передо мной вопросы о сущности и масштабах влияния империи, о силах, которые ей противостоят и которые она стремится подавить. В день, когда мне исполнился 31 год, я уехал из Нью-Йорка в Ирак работать военным корреспондентом.

Еще через пять лет я стал корреспондентом в Пекине, и именно тогда Китай и жизнь моих родителей открылись передо мной в полной мере, так, как я прежде и представить себе не мог. У меня появилась возможность увидеть события прошлого, остававшиеся раньше в тени, и проследить связь между ними и между людьми, местами и временными периодами. Кроме того, это было захватывающе интересно — оказаться в стране, переживающей эпоху грандиозных преобразований, с ее городами, сверкающими офисными башнями, сообществами художников, рабочими, стремящимися к успеху и приезжающими поездами из деревень, чтобы стать частью колоссальной истории перемен, которую обещали подарить первые десятилетия XXI века.

Только что прибывшему человеку казалось, что лидеры Китая и его граждане работают, напрягая все мускулы государства, чтобы построить будущее. Это являло собой полную противоположность тому хаосу, который я увидел в Ираке. Годами ведя репортажи из распадающейся страны, я пришел к тому, что разуверился в природе человека и власти. Двое моих иракских коллег, Халид и Фахер, погибли, как и еще около 300 000 человек, ставших жертвами войны в этой стране. Разрушения и кровопролитие тем более потрясли меня, что стали прямым следствием действий американцев. Их принесла нация — моя нация, — которой всего десятилетием ранее представилась историческая возможность использовать свое положение

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru